

ИЛИ

Брегомъ бо иди не дасть безводие,
а по морю пристанища несть,
а по рекам порози люти;

(Кн. IV, гл. X, ч. 3).

ИЛИ

Кто боле людии погубить
и боле греха добудеть
и беззаконствують.

(Кн. VII, гл. VIII, ч. 1).

Разобранные нами особенности языка и стиля заметнее и ярче других проявляются в переводе «Истории иудейской войны», однако в какой-то мере они могут быть признаны характерными и для других переводных произведений, восходящих к древнекиевской переводческой школе. Так, перевод «Александрии», в общем достаточно близкий к греческому подлиннику, обнаруживает при более пристальном рассмотрении также следы творческой переработки его со стороны переводчика. Это тоже стремление стилистически распространить текст, сделать его выразительнее и эмоционально насыщеннее. Например, при описании убийства персидского царя Дария его приближенными переводчик говорит о том, что убийцы, спеша с выполнением своего злого умысла, боролись с Дарием, так как последний отличался большой физической силой: «тии бо нечъстивии спроста боряхуся с нимъ, бе бо силен».¹⁶ В греческом тексте в данном случае отсутствует наречие при сказуемом. Древнерусский же текст в первой редакции перевода распространяет сказуемое обстоятельством, выраженным наречием «спроста», которое во второй редакции того же перевода заменяется, по-видимому, равнозначущим наречием «въбързе», т. е. «поспешно». Наряду с элементами стилистического распространения, как и в переводе «Истории», мы находим и сокращения в тех местах, которые переводчику казались менее достойными внимания.

Изучая язык и стиль переводных памятников, мы имеем возможность проследить постепенную эволюцию искусства перевода, усовершенствование этого искусства по мере развития культуры Киевской Руси, по мере развития и усовершенствования самого древнерусского языка. Это особенно ярко выступает при сравнении одних и тех же текстов, переведенных в «Хронике» Георгия Амартола и в «Истории» Иосифа Флавия. Дело в том, что ряд событий мировой истории, в частности относящихся к осаде Иерусалима римлянами в 70 г. н. э., «Хроника» воспроизводит по Иосифу Флавию, тексты которого переданы через посредство «Церковной истории» христианского писателя IV в. Евсевия Кесарийского. Каким бы мы ни считали по происхождению древнеславянский перевод «Хроники» Георгия Амартола, русским ли в соответствии с утверждениями В. М. Истрина или болгарским, лишь отредактированным в Киевской Руси, по мнению его критиков — П. Лаврова, Вейнгардта и др. (к последнему мнению присоединялись также А. И. Соболевский и А. С. Орлов), мы можем лишь отметить разительное различие в отношении языка и стиля между ним и переводом «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Насколько первый перевод отличается громоздкостью, запутанностью периодов и предложений, настолько перевод «Истории» блещет ясностью, легкостью, прозрачностью в синтаксических конструкциях, соединяемой с точной передачей смысла подлинника.

¹⁶ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1894, стр. 69 (Приложение).